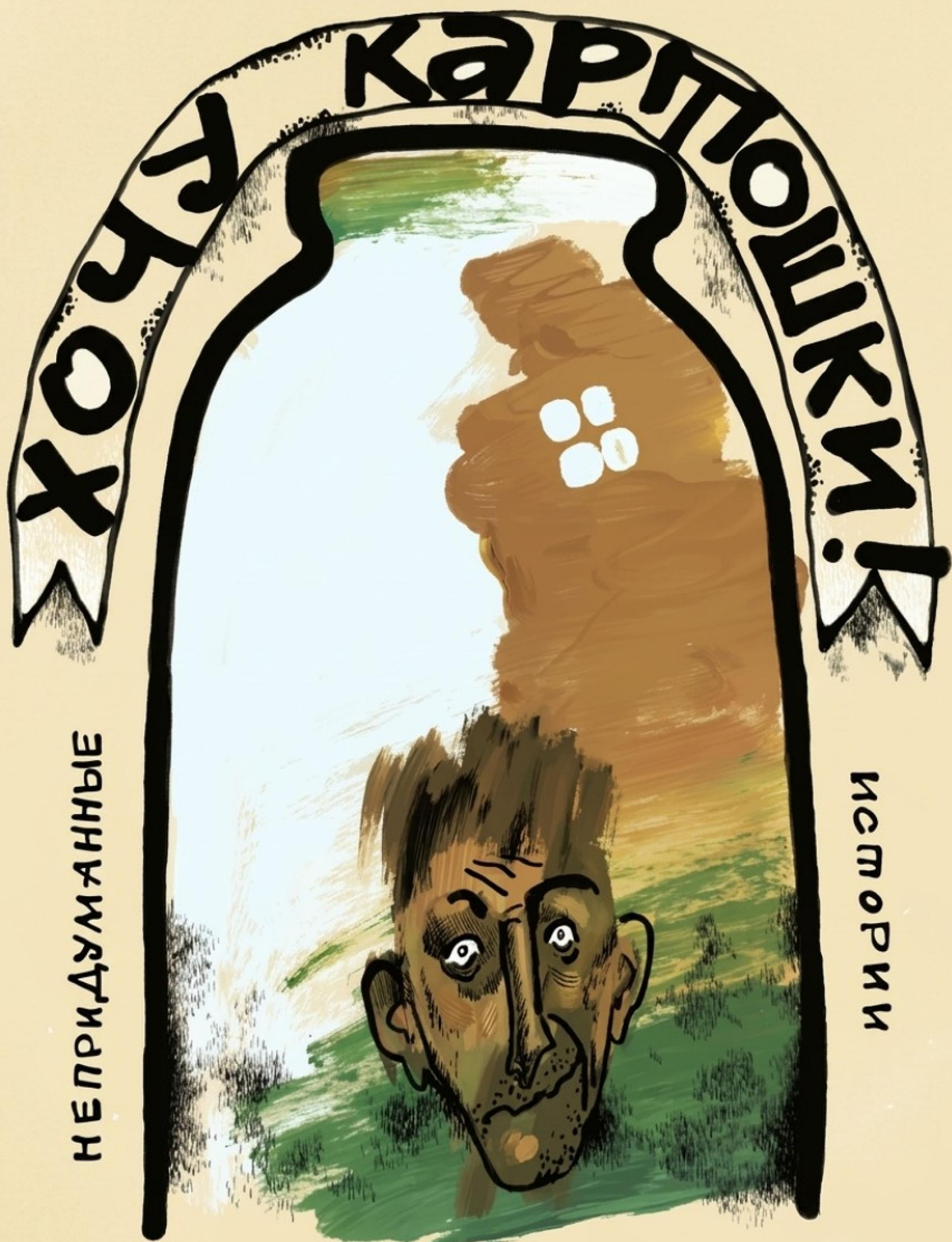

тапьяна желудкова

истории

непридуманные

Татьяна Желудков

Хочу картошки

«Автор»

2026

Желудков Т.

Хочу картошки / Т. Желудков — «Автор», 2026

Хочу картошки — сборник непридуманных историй Татьяны Желудковой о людях, их характерах, странностях, радостях и непростых жизненных обстоятельствах. Здесь есть место и юмору, и грусти, и неожиданным поворотам. Герои рассказов — самые обычные люди, но за каждым из них стоит своя история: порой смешная, порой трогательная, а иногда заставляющая задуматься. От упрямого героя и бывшего афганца до баб Мани, школьников, соседей и людей с непростой судьбой — автор внимательно наблюдает за своими персонажами и показывает их такими, какие они есть: живыми, противоречивыми и узнаваемыми. Эта книга — о человеческой жизни во всём её многообразии. О том, что за привычными поступками и словами часто скрывается гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. «Хочу картошки» — истории, в которых легко узнать знакомых людей, ситуации и самого себя.

© Желудков Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

УПЁРТЫЙ	6
КОЛЬКА-АФГАНЕЦ	11
«ЧУДЕСНЫЕ» ПОДУШЕЧКИ	14
КАК БАБА МАНЯ НА ВЫБОРЫ ХОДИЛА	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Татьяна Желудков

Хочу картошки

Татьяна Желудкова
ХОЧУ КАРТОШКИ
(Непридуманные истории)

ХОЧУ КАРТОШКИ
Татьяна Желудкова

Литературно-художественное издание

Редактор — Т. В. Кадникова
Корректор — О. В. Коршунова
Иллюстрации — И. Тютковой, В. Нуйкина
Верстка и оригинал-макет — Н. В. Хлопцева

© Желудкова Т. А., 2009, рассказы
© Тюткова И., 2009, иллюстрации
© Нуйкин В. Д., 2009, обложка

Заречный, 2009

СОДЕРЖАНИЕ
УПЁРТЫЙ
КОЛЬКА-АФГАНЕЦ
«ЧУДЕСНЫЕ» ПОДУШЕЧКИ
КАК БАБА МАНЯ НА ВЫБОРЫ ХОДИЛА
МОЛИСЬ И КАЙСЯ
ШУРКА БЕЛЫЙ
СЕНТЯБРЬСКИЕ КОСТРЫ
НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ
МАМИН ГОСТИНЕЦ
УТРЕННИК
МОРДОВКА И КОЛДУН
ТАЙНАЯ СТРАСТЬ НАДИ УВАРОВОЙ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ПЕТИ-ПЕТУШКА
СКВОЗНЯК
ХОЧУ КАРТОШКИ

Эту книгу посвящаю

моей любимой семье

УПЁРТЫЙ

...Василий с дочкой Ниной ехали на поезде из Куйбышева в Кузнецк. Нина сидела у окошка и любовалась полевыми цветами: васильками и ромашками. Ромашки были на высоких ножках с крупными головками. “Глазастые какие, – думала Нина, – а васильки синие, как моё новое сшитое платье. ... Трава на лугах какая нежная...” Она тогда ещё не понимала, что зелень только в начале лета бывает особенной: не запылённая, не обожжённая солнышком. Ехали Нина с отцом к папиным родителям – Ивану Егоровичу и Анне Ильиничне. Дома мама осталась с Юрой – братиком Нины. Он был болезненным мальчиком, в дорогу его брать пока не решались. Иван Егорович и Анна Ильинична очень обрадовались приезду сына и внучки. Василий каждый год брал очередной отпуск в начале июня, чтобы отвезти дочку к родителям на летние каникулы. ...От радостной встречи каждый спешил сказать что-то своё, перебывали друг друга новостями, весело смеялись. Пока Василий вынимал из синей матерчатой сумки гостинцы: сыр, колбасу, конфеты-карамельки, Анна Ильинична суежилась возле печи: доставала чугуны с наваристыми щами, пшённой кашей.

– Вася, давайте с Нинулей мойте с дороги руки. Сейчас будем обедать, – распорядилась Анна Ильинична. Василий закатал рукава клетчатой рубашки, взял кусок земляничного мыла, лежащего на дощечке возле рукомойника, стал тщательно намыливать руки. Ополоснув водой руки, лицо и шею, вытерся льняным полотенцем, висящим над рукомойником. Полотенце было старенькое, реденькое, по его краям уже выцвели сиреневые полоски, но оно было очень мягкое и приятно пахло родительским домом. Ниночка тоже умылась. Зачесала волосы, растрепавшиеся в дороге, бабушкиным деревянным гребнем, лежащим в уголке на приступке печи. Поправила поясok на платье. – Ну, мои дорогие, готовы? – Анна Ильинична резала хлеб, раскладывала его на тарелке. – Садимся к столу. Над голубыми тарелками с ароматными щами вился лёгкий парок. В дороге Василий и Ниночка успели проголодаться, поэтому быстро взяли ложки, с удовольствием стали есть. – Ешь, ешь, внученька, – Анна Ильинична подкладывала кусочек мяса, – у нас щи особенные: распаренные, настоянные. Ниночка не отличалась аппетитом, а тут не только щи, но и кашу уплетала за обе щеки. За обедом все разжурчались. Ивану Егоровичу на радостях по поводу приезда сына и внучки была выставлена на стол бутылка водки, чему он был несказанно рад. Сын к горячительным напиткам относился равнодушно, поэтому Иван Егорович предоставленной возможностью пользовался с большой охотой. – Ой, подождите! – воскликнул Василий. – Что же это я забыл? – Он кинулся к шкафчику за ножом, чтобы порезать сыр и колбасу. Сначала занялся сыром. Ноздреватый, жёлтый, похожий по цвету на луну, он ложился ровным рядком. Потом нарезал колбасы: – Пап, мам, угощайтесь!

Анна Ильинична взяла кусочек сыра, надкусила, прожевала: – Ой, сынок, вкусный! – потянулась за вторым кусочком. – Пап, а ты чего не пробуешь? – Чего не ел, того и пробовать не буду, – сказал, как отрезал, Иван Егорович. – Пап, да ты что? Вкусно же! – уговаривал Василий отца. – Сказал, не буду. Не приставай. Вот колбаску я отведаю, – Иван Егорович неуклюжими пальцами брал колбасу с тарелки. – Вкусная, – смаковал он под очередную стопку. – Да и сыр вкусный, – не унимался Василий. – Не уговаривай. Колбаса на мясо похожа. Это мне знакомо. А сыр не знакомый. – Ну, вот и познакомься. Он ведь из молока сделан. – Ну, надо же. Молоко жидкое, а сыр твёрдый, – упрямылся Иван Егорович. – Молоко сначала сквашивают, – Василий пытался убедить отца, – потом сыворотку отделяют от творога, в творог добавляют яиц, масла и варят. Очень долго. Получается сыр. – Сынок, да что ты его, как маленького, упрямиваешь, – взмолилась мать. – Мам, больше не буду. Обед заканчивался чаем с мятой, заваренным в кастрюльке. Пряный запах приятно щекотал ноздри. Кусочки расколотого комкового сахара таяли у всех во рту. – Хорошо! – Василий допил последний глоток из чашки. – Скоро у моей сестры Кати поспеет смородина, Ниночка будет ходить к ней за ягодой, – Анна Ильинична

сняла головной платок, – будем смородиновый чай заваривать. Из смородины он тоже будет душистый. – А знаете, какая у меня есть задумка? – обратился Василий к родителям. – Рассадить свой сад. Осенью привезу

саженцев: вишни, смородины, яблонь. А то дочка ходит к тётке Кате с бумажным кулёчком через весь город из-за стакана смородины. – Да пусть гуляет. Что тебе, сынок? Молоденькая она – не устанет. – Да не в этом дело, мам. Я беспокоюсь: этой же дорогой проезжает много машин. Мысли в голове всякие бывают. – Да так-то оно так. Я тоже волнуюсь, когда её провожаю. Василий сладко потянулся. – Если свой сад развести, в любое время можно выйти из дома и набрать любой ягоды. Быстро закончился отпуск у Василия, засобиравшись он назад, в Куйбышев. – Ну, мама, я завтра уеду. Нину, как всегда, оставляю до конца лета. К сентябрю приеду. Дела, какие были запланированы, мы с отцом сделали: дров накололи, террасу подправили...Мам, ты уж дочке напоминай, чтобы к бабе Кате ходила не по большой дороге, а по тротуару. – Не беспокойся, сынок, всё будет хорошо. А напоминать про дорогу ей обязательно буду. Наутро Василий уехал. Ниночке нравилось у бабушки с дедушкой. С самого утра солнышко шалило в листочках берёзы, играло и нежило их в своих тёплых лучах. Ветерок не отставал: раскачивал длинные ветви.... Бабушка, прибравшись на столе, выходила из дома: – Пойдём, внученька, займёмся морковкой, а то она уже зарастает сорняком. Ниночка легко вскакивала со ступенек, подпрыгивала, устремлялась за бабушкой. – Ну вот, это морковка, – бабушка показывает внучке маленькую метёлочку, – её мы оставляем. А вот эту сорную траву будем вырывать, чтобы не мешала расти морковке пышной и красивой.

Часа два бабушка с внучкой работают на грядке. Работу их сразу видно: ровные, разреженные рядки морковки зелёной строчкой радуют взгляд. Передохнув, бабушка хлопчет с обедом, Ниночка зачитывается книгой. Вечерами они подолгу сумерничают. Дед, правда, с ними не засиживается: поужинает, забирается на печь, сдвигая ноги в серых носках на край. Он даже летом не любил спать на кровати. Ниночка с бабушкой пьют чай. В распахнутые окна залетает ветерок, резко пахнет герань. После чая бабушка садится за вязание носков, Ниночка слушает бабушкины воспоминания и зачастую незаметно засыпает под неторопливый её говор. ...В конце августа Василий приехал за дочкой. Собираясь в обратную дорогу, сказал отцу: — Пап, про саженьцы помню. В октябре постараюсь с попутной машиной приехать. Ты тут при-

кин, где и что будем сажать. – Ладно, – буркнул отец. Василий сдержал слово. В октябре привёз саженцы. Сгрузил их с машины, потом бодрый и весёлый ходил с лопатой по огороду, копал ямы для кустарников, удобрял их навозом. Отец помогал ему нехотя. – Пап, тебе что, сад иметь не хочется? – Конечно, нет. – Почему? – Для картошки мало места останется. – Пап, да ты что? Двадцать соток земли. На десяти сад разведем, а на других десяти посадим картошку. Я думаю, её будет достаточно. Пап, но зато, когда разрастется сад, знаешь, как будет красиво! И свои ягоды будут, яблоки... Василий высадил саженцы и на другой день уехал к семье.

Прошла зима, растаял снег, зажурчали ручейки, защибетали птицы, а тоненькие прутики-саженцы выпустили первые нежные зелёные листочки. Анна Ильинична выходила в огород, радовалась: – Васин труд не пропал даром! А вот когда подрастут, превратятся в деревья, такая красота будет! – Будет, будет, – ворчал Иван Егорович, – картошки мало будет, узнаешь тогда. – Вань, – обращалась к нему Анна Ильинична, – что ты такой неснорованный? Сын хочет уважить нас, стариков, сад развести старается. И мы ягодку будем есть. – Не пробовал и не буду. – Господи, ну что с тобой поделаешь? Опять – двадцать пять. Ты ему – своё, он тебе – своё, – махнув рукой, уходила с огорода Анна Ильинична. ...Пролетело пять лет. Василий привозил к родителям уже всю семью: Юра подрос, болеть стал меньше. Саженцы год от года становились сильнее и больше. Повзрослевшая Нина уже три года не ходила к бабе Кате за смородиной: плодоносили свои кустарники. Яблоньки принесли первые несколько плодов. Ниночке и Юрочке они пришлись по вкусу. – На следующий год будет и вишня своя, – приговаривала Анна Ильинична. – Дед, посмотри на эту красу, – обращался к отцу Василий. – Зато картошки мало, – мрачно сетовал Иван Егорович. – Но разве на год не хватает картошки, отец? – Хватает. – Не понимаю я тебя, пап. – Не обращай внимания на его слова. Наверное, старость виновата, – Анна Ильинична пыталась скрыть всю неловкость и перед невесткой Валентиной, переводила разговор: – Варенье из антоновки будем варить. Она такая души-и- истая, – бабушка мечтательно прикрывала глаза.

...Прошла ещё одна зима. – Ну, вот и весна опять, – радовалась Анна Ильинична. Когда снега не стало, приготовила раствор из извёстки, прихватила кисть для побелки деревьев, вышла из дома. – Ой! Ой! – она испуганными глазами смотрела на то место, где был сад. – Дед! Дед! Скорее сюда! Безжизненные, порубанные деревца валялись на земле. Слёзы горошинами текли по щекам старушки. Она выронила ведро с извёсткой, и та, растекаясь, смешивалась с землёй, превращалась в грязную жижицу. – Анна Ильинична метнулась в дом: – Дед! Вставай скорее! Кто-то порубил наш сад! Иван Егорович неподвижно лежал на печи, укрывшись фуфайкой. Вставать не собирался. – Да ты, чёрт окаянный, не слышишь, что ли, что я тебе говорю? Сад порубили! И вдруг смутная догадка промелькнула в голове Анны Ильиничны: – Да-а...да-а... уж не ты ли это сделал? Ах, ты, идол! – застонала Анна Ильинична, сползая по стене и хватаясь за сердце. Целый день она не могла прийти в себя: пила сердечные лекарства, а сама боялась взглянуть на то место, где был сад. – Варвар, вот варвар, сумел расправился с такой красой... Как теперь Васеньке сказать об этом? Сын в письмах справлялся о здоровье родителей, интересовался садом. В ответных письмах мать выводила «каракули» о своём житье-бытье, о погоде, о саде – ни слова. Она решила ничего о нём не писать: врать не хотела, а правда была горькой. ... В очередной приезд, сойдя с поезда, Василий по пути домой нёс тяжелые вещи, шутил с женой, детьми. Подойдя к родительскому дому, открыл калитку. И обомлел: сада как

не бывало, всё было, как прежде: по всему огороду зеленел картофель. Мать торопилась навстречу: – Васенька, ну, что с ним, бестолковым, поделаешь? Он сразу понял, о ком идёт речь. Отец в старой поддёвке тоже вышел встречать детей, для приветствия протянул руку сыну. Василий медленно подал руку отцу: – Ну, что, отец? Живём в лесу – молимся колесу? Эх-хе-хе... Молчание было неловким. ...Поздней осенью Василий привёз много новых саженцев. Он опять ходил по огороду и закладывал новый сад. – Буду опять украшать землю, отец. – Ты прости меня, сынок. Сам не пойму, почему я такой упёртый... ..Василий опирался на лопату, передыхал, сам смотрел куда-то вдаль. Он верил в то, что будет заниматься этим делом до тех пор, пока не увидит белоснежное, ажурное зарево от цветения нового сада.

КОЛЬКА-АФГАНЕЦ

Посвящается Васюкову Николаю Ивановичу

Колька рос единственным ребёнком в семье. Вихрастый, с широкими скулами, с ободранными коленками, носился с соседскими мальчишками по посёлку. Особенно любил летние каникулы: успевал переделать много ребячьих дел – удил рыбу на утренней заре, купался до изнеможения в пруду, катался на велосипеде. Мать – Екатерина Ивановна, прежде чем стирать Колькины брюки, тщательно проверяла карманы – в них она всегда находила какие-то гайки и болты. – «Вот монтёр-то растёт», – удовлетворенно приговаривала она вполголоса и отправляла Колькины брюки вместе с брюками отца – Ивана Анисимыча в стиральную машинку. Колькин отец работал комбайнёром. Сын каждый день прибежал на полевой стан, приносил в сумке обед: бутылку молока, краюху хлеба, картошку, пучок зелёного лука. После обеда Колька частенько забирался в кабину комбайна. Отец ловко управлял рычагами, мотор ревел, за комбайном стелились ряды свежескошенного ячменя. – Папка, я, когда вырасту, буду трактористом или комбайнёром! – выпаливал отцу вспотевший и запыхавшийся Колька.

– Будешь, будешь! А кем же тебе ещё быть? Продолжишь нашу васюковскую династию хлеборобов. Дело это святое и надёжное. Мать тоже понимала, что всё будет именно так: Колька учился в школе не ахти – в дневнике были сплошные тройки. – «На земле всем хватит места для работы», – рассуждала она, таятая мотыгой сахарную свёклу. ...После восьмилетки поехал Колька учиться в райцентр на шофёра широкого профиля. Мгновением мелькнули два года. Едва успел сдать экзамены, переступить порог дома, пригласили его на комиссию в районный военный комиссариат. Там уже имелись свои виды на Николая, будущего призывника. Шла война в Афганистане – парни из Советского Союза выполняли там свой интернациональный долг. На следующий день Николай был призван в ряды Вооружённых Сил. Двухмесячная краткосрочная учебка и... перелёт в Афганистан. Для вчерашнего пацана жизнь повернулась такой стороной, о которой он раньше не мог и думать. Стал Колька воином, танкистом. Экипаж принял его, необстрелянного, по- мужски сдержанно. Вели с ним разговоры о предстоящих боях. Просили не раскисать и не бояться мужского дела – войны. Ныть Николай не умел, расчёт у военкомов по поводу набора Ограниченного контингента по оказанию интернационального долга был верен. Неустойчивых, психически слабых характером туда не рекомендовали. Маменькиным сынкам там не было места. Так что Колька, выносливый деревенский парень, оказался там кстати. Быстро освоил военную технику, а бой не заставил себя ждать. Вскоре был получен приказ – выходить в ущелье под Кандагаром: там обосновались душманы... ..Бедная Екатерина Ивановна часто заходила в крике здесь, в России, по единственному сыночку, отправленному

кем-то на эту проклятую бойню. Когда муж находился в поле, соседи слышали горькие причитания матери: – Зачем тебя, единственную кровиночку, отправили в этот Афганистан? Да пусть бы все там сами разбирались между собой! Да как же мне жить – поживать без тебя, родимы-ы-ый!.. Из Афганистана приходили скупые весточки от сына. Колька успокаивал родителей: «Всё нормально у меня, дорогие мама и папа. Только очень уж жарко. Здесь и песок раскаляется добела. А в танке, да ещё в шлеме, дышать нечем, пот льёт горячими струйками, заливают глаза. Мешает. А смотреть надо зорко, в оба. Но вы за меня не волнуйтесь. Дома, наверное, уже поспели яблоки. Эх! Похрустеть бы яровым анисом!» Колька просил передавать привет родственникам, соседям, а яблоню просил погладить по шершавой коре. Письма сына успокаивали на какое-то мгновение, и снова сердце матери заходило лютотой тревогой. Отец страдал молча: его пугал дом, оставшийся без сына. Он никак не мог уговорить жену перестать убиваться, а сам чаще обычного стал прикладываться к стакану самогона – видимо, пытался заглушить эту страшную разлуку. Дни тянулись тоскливо. Минул год, полтора. Колька дви-

гался к заветной точке отсчёта – к окончанию службы в армии. С июня месяца пошёл третий год разлуки. Вымолила мать возвращение сына. Уже в августе, когда солнце клонилось к закату, услышала она крик соседского мальчишки Петьки. Он с крыши сарая запускал воздушного змея. «Колька-афганец идёт! Колька-афганец идёт!» Екатерина Ивановна несла ведро воды: поить телёнка. Услышала крик Петьки, подкосились её ноги, повалилась она в заросли крапивы, успев прошептать: «Сы-ы-ыно-чек, родимый...» Очнувшись, мать кинулась навстречу сыну: «Только бы увидеть, только бы увидеть!» И, наконец... он, он, сыночек,

кровиночка!.. Екатерина Ивановна на всхлипе, едва справившись с дыханием, дотянулась до его виска: – Сыночек, мой родненький, – и тут же Екатерина Ивановна словно чего-то испугалась, дёрнула руку. Потом опять погладила: – Что это, сыночек? – руки матери не обманывались, они почувствовали, что кожа на лице Николая местами не гладкая, как прежде, а бугристая. – Мам, да главное, что я вернулся! А остальное – чепуха! Это я горел в танке – вместе с сослуживцами подорвались на mine! – Вот поэтому ты в прошлом году не писал два месяца? – Да, мам. Был в госпитале. Насмотрелся я. Тяжелобольные умирали. Так что получилась вынужденная задержка с письмами. Некого было попросить написать письмо. Ты уж прости меня! – Сынок, да за что ты просишь прощения? Не твоя вина, что случилось с тобой. Я сердцем чувствовала твою боль. А уж как мы с отцом ждали тебя! – глаза матери блестели. Со стороны села бежали Кольке навстречу все, кто мог бежать... На тракторе ехал отец. Вздораженный радостью, выпрыгнул из кабины, тискал сына, не в силах что-либо сказать. – Пап, вернулся я, вернулся. – Ну и хорошо, сынок. А как иначе? В семью Васюковых пришло счастье. Часов в десять вечера собрались в их доме все, кто мог вместиться. Плясали под гармонь, пели частушки. Не обошлось и без слёз радости. Екатерина Ивановна бегала, как заводная, покрасневшая, суежилась у стола, угощала тем, что сообразила с сёстрами на скорую руку. В воскресенье приглашали всех на широкое застолье. Колька, счастливым возвращением, не уставал повторять: – Всё! Заживём по-новому. Отдохну после Афгана и пойду опять работать, не у себя в селе, а в районе: военком

пригласил. Его водитель на пенсию уходит, я буду вместо него. Квартиру получу, родителей перевезу. Гости разошлись под утро. Колька заснул тяжёлым, беспокойным сном. Размахивал во сне руками, кричал: – Заходи, заходи оттуда!... – скрежетал зубами. Мать, глядя на муки сына, бухнулась на колени перед иконой Николая – чудотворца и шёпотом просила защитить кровиночку от прошлого. По окрестным сёлам гуляла весть, что Колька-афганец вернулся. Отдыхал Николай, ходил в клуб на танцы. Приятно был удивлён тем, что за эти два года Валя Елистратова с соседней улицы превратилась в настоящую красавицу. Приударил Колька за ней. Она ответила ему взаимностью. В садах пахло переспелыми яблоками. Валентина с Николаем целовались до зари.

Через месяц Колька устроился на работу. На выходные приезжал домой. Екатерина Ивановна по случаю приезда готовила что-нибудь вкусненькое – жарила курицу. Колька отъедался, а вечером бежал на свидание. Через три месяца подали они с Валентиной заявление в ЗАГС. Свадьбу назначили на Старый Новый год. Обе семьи готовились к этому событию. Мать заранее просила Николая: – Вы уж, сынок, с детьми-то не тяните. Рожайте побольше. С ними много будет радости. – Дюжину, мам, нарожаем. Не волнуйся! – улыбался Колька. Съездили в областной центр, купили свадебный костюм, кольца обручальные.

Одиннадцатого января Колька с военкомом поехали в командировку в область. По заледневшей Тамбовской трассе мела позёмка. И случилось страшное: из-за плохой видимости столкнулся Колькин УАЗик с большегрузной

машиной. Напрасно Колька старался вырулить на обочину. Колёса взвизгнули, словно противились такому исходу. Машину занесло на ребро. И всё же, перевернувшись несколько раз, УАЗик завалился в кювет. Когда подъехали сотрудники ГАИ, Колька был уже мёртв, военком находился в коме. ...Когда родителям сообщили о смерти Николая, для матери жизнь

будто остановилась, она смотрела перед собой невидящими глазами и кому-то задавала один и тот же вопрос: – Как же так? Как же так? В гробу Колька лежал в свадебном костюме. Рядом стояла Валентина. Хоронили его четырнадцатого января – на Старый Новый год. Мать заходила в крике: – Вышел из войны живым, а погиб на мирной дороге... После похорон мать Николая искала смерти. Пыталась топить. Увидели – спасли. Во время провалов памяти кричала, что есть мочи: – Вы не видели моего Колю? В доме Валентины тоже поселилось горе. Невестой была, женой не стала – беременная Валентина не решалась на аборт. Приезд Колиных родителей решил исход дела: упростили они Валентину оставить капельку их сына – неожиданную радость и спасение. В августе родился у Вали сын. Решили назвать его в честь отца – Колей. Запах терпкой и сладкой антоновки напоминал о прошлом лете. Валентина, завораживая малыша в одеяльце, говорила своему сыну: – А ты Коленька, обязательно будешь счастливым и за себя, и за отца, – она с нежностью рассматривала спящего малыша, поправляя на головке голубую шапочку...

«ЧУДЕСНЫЕ» ПОДУШЕЧКИ

В доме царила суматоха. Раскрытые чемоданы, сарафаны и сланцы валялись повсюду. В семье Комаровых шли последние приготовления к отъезду на юг. Хозяйка семейства Алла Васильевна соскучилась по морю. Последний раз ездила ещё в доперестроечные времена: дочку возила закаляться. А как пошла перестройка, не то что на море, не до жиру, быть бы живу. Про отдых пришлось забыть. Волновалась Алла: отстала от жизни. Возраст уже не тот: седину на волосах закрашивать приходится. Полнота появилась не пляжная. Но всё же Алла была продвинутой дамой: хорохорилась, не сдавалась: – Оль, – обращалась она к дочери, – я никого не испугаю своими габаритами? – Никого, мам, – дочь смеялась, – хорошего человека чем больше, тем лучше. – Ничего, доедем до моря, всё встанет на свои места, – Алла Васильевна резала салат из огурцов и помидоров. – Буду у бережка барахтаться. – Почему у берега, Алла Васильевна? – зять Сергей улыбался. – Мы Вас отпустим и подальше поплавать. – Серёж, да я ж плавать не умею. Раньше Оля выручала: я с ней недалеко от берега побултыхаюсь – и все дела. А сейчас внучатами прикрываться буду. – Не печальтесь, Алла Васильевна, сейчас есть всякие плавсредства.

– Да и раньше были надувные матрасы, только денег у нас на них не было. – Раньше не было, теперь купим. – Правда. О чём печалюсь, сама не знаю. Пойдёмте, ребята, обедать. Вон уже дед топает – она через окно увидела мужа. – Ух, какое пекло на улице сегодня! – Николай Семёнович скинул кепку с потной головы на диван, – собираетесь на море, а у нас в этом году здесь жара какая! Хоть веник бери и парься! – То-то и оно! Жара есть, а моря нет, – отозвалась Алла Васильевна, разливая окрошку по тарелкам. Обедали весело: внуки, Максим и Костик, лукаво поглядывали на деда: – Дедуль, ты знаешь, наша бабуля боится на море ехать! – Не может быть. Она про море тарыхтит каждый день. – Да она плавать не умеет! – младший, юркий Костик между делом отпустил щелчок старшему брату. Старший в долгу не остался, ущипнул брата за мягкое место. – Я вам! – Алла Васильевна погрозила внучатам. За столом без баловства. Максим, ты старше, ты должен быть умнее. После обеда Ольга с мужем и мальчишками куда-то отправилась на машине. – Наверное, не всё ещё купили, – Алла Васильевна мыла тарелки, расставляла по местам. В радостном состоянии, взбодрённая прошла в свою комнату и продолжила морские сборы – достала из шкафа новый цветной купальник. – Надо ещё разок примерить, – Алла Васильевна придирчиво разглядывала в зеркале свою покупку. – Ух, ты, какие бабочки на нём яркие! Может, ещё один купить? Зазвонил телефон: – Мам, мы в аптеке, покупаем необходимые лекарства, – Оля обстоятельно звонким голосом перечисляла: уголь

активированный, анальгин, тебе, мам, от давления – энап. А потом поедem на станцию техобслуживания: машину проверить. Дорога-то дальняя. – Конечно, езжайте. Не дай бог, в дороге неполадка случится – весь отдых можно себе испортить. Когда солнышко стало скатываться к полосе горизонта, Алла Васильевна услышала за окном шорох шин: приехали дети. – Бабуля, посмотри, что мама с папой тебе купили! – старший внук Максим крутил над головой белыми надувными подушечками. – Ну вот, Алла Васильевна, – зять вошёл следом за сыном, – бояться теперь нечего: вот эти штучки привяжете к рукам и будете плавать. А ещё мы купили большой надувной матрац, – Сергей достал насос, стал нажимать на него ногой, матрац распухал на глазах. – Двухместный! Всем можно уместиться, – он проверил прошитые углы, инструкцию по эксплуатации положил в ящик комода. Сборы продолжились. Через два дня выехали на море. Дома остался только муж Аллы Васильевны: не любил он жару, да и считал отдых на море пустым времяпровождением. – Вы поезжайте. А я найду себе занятие: на рыбалку поезжу с мужиками, – дед Николай обнял и расцеловал внуков. Помахал с улыбкой вслед. – Берегите бабулю. Курортники нашли квартиру, устроились. Вечерком отправились на пляж. Не терпелось искупаться. – Вон, вон море! – Костик восторженно указывал пальцем на

лёгкие, скользящие волны. – Мальчишки, да потише вы! Кричите так, что уши режет, – Оля тцетно урезонивала сыновей. Сама сняла шлёпанцы и босиком пошла по берегу. Мальчишки на бегу стаскивали с себя футболки, шорты и плюхались в воду.

Сергей накачивал матрац. Алла Васильевна подошла к воде нерешительно. Намочила ноги. От мальчишек долетали снопы брызг. Сергей тоже вошёл в воду. Оля, улыбаясь, смотрела на своих мужиков. – Мам, ну что? Пойдём? – Ты иди, дочка, я – следом, – Алла Васильевна взяла надувные подушки, но почему-то в последнюю очередь передумала привязывать их к рукам. – Привяжу к ногам. Так спокойнее... Прямо у берега, не торопясь, взобралась на матрац и тихонько погребла руками. Удалившись от берега на приличное расстояние, решила поплавать. – Ну, с богом, – Алла Васильевна осенила себя крестом и решительно спрыгнула с матраца.

В какое-то мгновение Сергей бросил взгляд в сторону тёщи. – Что это? – Прошиб его холодный пот. – Матрац пуст, а рядом... Рядом со страшной силой бьются о воду ноги в белых надувных подушках. – О, боже!.. Сергей нырнул, крупными гребками поплыл в сторону тёщи. – Чёрт меня дёрнул купить подушки! – С колотящимся в горле сердцем он отчаянно молотил руками. Вслед он услышал истошный крик жены: – А - а - ! Сергей, вдохнув поглубже в очередной раз, нырнул. Алла Васильевна уже выбивалась из сил: безвольное тело выпрямлялось. Крашенные волосы в морской воде казались красивой разметававшейся медузой. Обхватив левой рукой крупное тело тёщи, Сергей правой рукой грёб, что есть мочи, назад, к берегу.

Там ждали перепуганные дочь и внуки. На берегу Сергей стал энергично складывать тёщу пополам – из неё выходила лишняя вода. Когда Алла Васильевна нормально задышала, порозовела, Сергей обхватил голову руками и, раскачиваясь, отошёл в сторону. – Серёж, Серёжа, теперь всё нормально, не волнуйся, мама дышит. Смотри, глаза открыла, – Оля поглаживала мужа по руке, а сама вытирала слёзы. – Оль, у нас есть чего-нибудь выпить? – Сергея бил озноб. – Есть, есть, Серёж. Пойдём. Когда они вернулись, Алла Васильевна расправляла под собой полотенце, вздыхала: – В первый день учинила чудеса в решетке. Кому расскажи, не поверят. Ну, Сергей, своему второму рождению я обязана тебе! Он в задумчивости смотрел на море, крутил в руках стакан. ... Всё время Сергей не оставлял без внимания тёщу. – Иди, иди, Серёж, искупайся, – она настоятельно заверяла зятя, что больше не будет привязывать подушечки к ногам. – Ну, уж нет, Алла Васильевна, другой сюрприз я могу не пережить. – Обещала следить за внуками, а получается, что приходится вам следить за мной. – Лучше так. Так надёжнее. Теперь я за Вас в ответе, а то как предстану перед тестем? – Сергей взмахивал своими крупными руками, как лопастями, и кружил в воде рядышком с детьми, женой и тёщей...

КАК БАБА МАНЯ НА ВЫБОРЫ ХОДИЛА

Баба Маня жила в городе в частном секторе, в собственном деревянном доме одна. Старик её умер десять лет назад. Управлялась потихоньку по-хозяйству: с козой Марфой, десятком кур. Яички и молочко были свои. – Баб Мань, – говорила я ей через забор, – зачем козу держишь? Тяжело тебе ухаживать. Восьмой десяток ведь разменяла. Отдохнуть пора. – Тяжело держать козу, не спору. Да голодной быть не хочется. Настродалась я в своё время от голода. В колхозе за палочки работали, совсем ничего не получали. А сейчас новый номер: за тяжёлый труд не пенсию получаю, а гроши. Заплачу за свет да за газ, а там остаётся – кот наплакал. Баба Маня погромыхивала вёдрами, переставляла их в нужном для неё порядке. В одно ведёрко кинула зерна – для козочки, в другом замесила отрубей с отварной, мелкой картошкой – для кур. Сама между делом уверяла меня, что не время ей бросать своё подсобное хозяйство: – Сына с семьёй не беспокою: у самого двое ребятишек, бьются с женой, как рыба об лёд, тоже заработки невелики. По тиливизиру депутаты хорошо говорят: дескать, лучше народ стал жить. Я вот и думаю: как мне только будет хватать пенсии на мой расход – на шило, на мыло, тогда и посижу на скамеечке у забора. А пока, Валь, что-то у меня не получается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.